

А н д р е й Ш а р ы й
Я р о с л а в Ш и м о в

Австро-
Венгрия

С У Д Ь Б А
И М П Е Р И И

КоЛибри

МОСКВА

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4)
Ш26

Оформление обложки Надежды Данильченко

Шарый А., Шимов Я.

Ш26 Австро-Венгрия : судьба империи / Андрей Шарый, Ярослав Шимов. — М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2017. — 448 с. : ил.
ISBN 978-5-389-13534-5

“Австро-Венгрия: судьба империи” — увлекательный рассказ о чрезвычайно пестрой и удивительно интересной стране, своего рода европейской Атлантиде, известной российскому читателю гораздо меньше, чем она того заслуживает. Державы Габсбургов давно нет на картах, Первая мировая война уничтожила эту, пожалуй, самую уютную в истории империю, но накопленный ее народами опыт сосуществования до сих пор актуален для Центральной Европы. Путешествия по дюжине независимых государств, территории которых некогда были частями Австро-Венгрии, подтверждают: и в сегодняшнем дне отзываются ушедшие времена.

Первое издание книги вышло в 2010 году под названием “Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи”, и с тех пор она стала настоящей библиографической редкостью.

Никогда прежде столь глубокий анализ исторических процессов не сопровождался таким захватывающим рассказом о буднях и праздниках дунайской монархии, такими яркими портретами династии Габсбургов и их подданных, столь живыми очерками о больших и малых габсбургских городах.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-389-13534-5

© Шарый А., Шимов Я., 2010
© Оформление.
ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус”, 2017
Колибри®

СОДЕРЖАНИЕ

Неизвестная империя	5
1. Короны империи	15
Вена. Трон земли	45
2. КАРТА империи	71
Будапешт. Венгерский полдень	117
3. Будни и праздники империи	147
Прага. Барышня-крестьянка	185
4. Штыки империи	213
Триест. Австрийская Ривьера	241
5. Друзья и враги империи	265
Сараево. Образцовая колония	287
6. Гибель империи	311
Львов. Восточная окраина	357
7. После империи	387
Мост через Лейту	423
Династия Габсбургов: хронология событий	429
Библиография	437
Об авторах этой книги	445

НЕИЗВЕСТНАЯ ИМПЕРИЯ

В 1846 году баварский скульптор Людвиг Шванталер по заказу властей Вены установил на площади Фрайунг фонтан “Австрия”, *Austriabrunnen*. Аллегорические фигуры над чашей фонтана и под статуей победительной Австрии с копьем и щитом в руках¹ олицетворяют главные реки империи Габсбургов: Эльбу, По, Дунай и Вислу. Из этих четырех прекрасных бронзовых дев верность Австрии до сегодняшнего дня сохранила только одна — Дунай. Эльба (Лаба) “бежала” в Чехию и Германию, По вернулась к итальянцам, а Висла досталась полякам. Вместе с водами этих рек, тихо вздыхает фонтан, утекла в историю и габсбургская слава.

Austriabrunnen красуется на венской площади, напоминая о былом величии страны, столетие назад включавшей в свои границы земли, на которых теперь целиком или частично разместились тринадцать независимых государств. Современникам империи Габсбургов эти границы, должно быть, казались естественным целым, даже на географических картах логично очерченным скобками горных хребтов и мягким полукружьем морского побережья. Страна была просторна

¹ Моделью для этой фигуры послужила рано умершая внучка Иоганна Вольфганга Гёте — Альма.

и гармонична в своей рельефной и этнической пестроте: Альпы — на немецко-итальянском западе, Судеты — на чешско-немецком севере, Карпаты — на венгерско-румынско-украинском востоке, Динарский хребет — на южнославянском юге. Тысячекилометровый берег Адриатики с крупнейшим на всем Средиземноморье портом Триест; бесконечное русло Дуная, пронзившее Европу, как многократно изогнутая спица; плодородные равнины Венгрии и Воеводины, густые леса Галиции, Трансильвании, Тироля — все это объединяли под своим скипетром Габсбурги, древняя династия герцогов, императоров и королей. Их империя незыблемо возвышалась посередине Европы.

Посередине всего.

Десятилетие за десятилетием, век за веком эта монархия прирастала новыми народами и новыми территориями, строилась неторопливо, как храм Божий, камень на камень. Габсбурги терпеливо и кропотливо, хитростью и упорством, талантом и умом, изредка жестокостью, куда чаще путем компромиссов, за шестьсот лет владычества оборудовали многонациональное государство. Его, пожалуй, можно в определенном смысле назвать предтечей Европейского союза хотя бы потому, что лучшего прообраза наднационального единства в Европе история не дала. В начале XX века вторая по площади и третья по численности населения европейская держава, Австро-Венгрия входила в число немногих стран, определявших главное содержание общественно-политических, социальных и культурных процессов в Старом Свете.

Это было сложносочиненное государство, устройство которого парадоксальным образом основывалось на его противоречиях. Империя, монархи в которой были не прочь править авторитарно, но по зрелом размышлении уступали либеральным веяниям. “Тюрьма народов” (по убеждению нескольких поколений националистов), в которой идея этнической толерантности почти всегда оказывалась сильнее шовинистических настроений. Довольно мощная — даже на закате — держава, которая с большей охотой расширяла свои пределы династическими браками и дипломатическими комбинациями, нежели захватами и войнами. Страна вековых, даже дряхлых традиций, неизменно открытая модерну в живописи, архитектуре, музыке...

Поищем параллели. Держава Габсбургов складывалась как континентальная империя, в отличие от Британии или Испании, но подобно России не имела серьезных заморских владений¹. Дюжина подвластных Габсбургам народов жила в компактной стране, и даже до наступления эпохи телеграфа депеша с самой далекой окраины поспевала в столицу империи всего за неделю. При этом (еще одно сходство с Россией) дунайская монархия кое в чем оставалась таинственной не только для западноевропейских соседей, но подчас, кажется, для себя самой. Габсбургскому канцлеру Клеменсу Меттерниху не зря приписывают фразу: “Азия начинается на Ландштрассе”. Эта венская улица вела на восток, а восточнее Вены для рафинированных европейцев тогда словно не существовало цивилизации. В империи Габсбургов уживались разные реальности. Вена по праву считалась одной из блестящих столиц, соперничавших роскошью с Парижем и Лондоном, австрийский двор пользовался славой самого церемонного в Европе, но восточные окраины дунайской монархии — Трансильвания, Буковина, Галиция — пугали дикостью самих австрийцев, казались мистическими заповедниками, в которых могут обитать не только люди, но и вампиры.

Габсбурги справедливо числили за собой особую заслугу в коллективной борьбе против Османской империи, в многотрудном и кровопролитном сопротивлении креста полумесяцу. Их армии веками сдерживали наступательные порывы турок. Территориальная экспансия османов в Европе была остановлена именно под Веной: город дважды, в 1529 и в 1683 годах, выдерживал осады огромного османского войска. Первая неудача, свидетельствуют летописи, всего лишь встревожила султана Сулеймана Великолепного. Второе поражение турок оказалось более чувствительным: сражение под Веной, в котором на стороне Габсбургов соединились армии многих христианских стран, положило окончательный предел османскому проникновению в глубь континента. Но центральноевропейская империя после этого еще долго служила поясом безопасности и заградительным валом западного мира.

¹ В качестве исторического курьеза упомянем австро-венгерскую концессию в китайском городе Тяньцзинь, выделенную монархии Габсбургов в числе других западных стран после участия в подавлении восстания ихэтуаней, известного также как боксерское восстание (1899–1901).

Государственное дело Габсбургов всегда делалось непросто, их страна двигалась от кризиса к кризису, раз за разом почти чудесным образом выходя из исторических испытаний и переделок. В XIX веке, опыт которого преимущественно исследуется в нашей книге, дунайская монархия пережила два главных этапа внутреннего переустройства. В самом начале того столетия на руинах Священной Римской империи германской нации¹ Франц II Габсбург объявил себя императором Австрии и начал создавать из своих владений, довольно разрозненных в политическом и правовом смысле, централизованное государство. В 1867 году политический компромисс, достигнутый Венной и Будапештом после долгого и бурного выяснения отношений, ознаменовал трансформацию габсбургских земель в двуединую монархию — Австро-Венгрию. Полвека ее существования и без малого семь десятилетий пребывания на престоле Франца Иосифа, “последнего монарха старой школы”, принесли противоречивые, но во многом удачные попытки реформ и систематические поиски, говоря сегодняшним языком, успешной модели социально-политической модернизации. Итогового результата этих попыток и поисков Габсбургам и их подданным увидеть не удалось. Конец дунайской монархии, этому уникальному историческому эксперименту, положило роковое стечение внутривнутриполитических и международных обстоятельств, обернувшееся в 1914 году мировой войной.

Но пока Австро-Венгрия жила — и это отчетливо видно на фоне политических, национальных, социальных проблем современной ей Европы, — эта страна представляла собой пример умеренного процветания, относительного спокойствия и скромного благополучия. Габсбурги смогли обустроить, пожалуй, самую уютную в истории

¹ Священная Римская империя германской нации — государственное образование, существовавшее с 962 по 1806 год и объединявшее территории Центральной Европы, в основном населенные немцами. Помимо германских земель поначалу в состав империи входили также обширные территории Юго-Восточной Франции и Северной Италии, а также — до самого конца империи — нынешняя Чехия. Процессы становления единого государства в империи не были завершены, она оставалась децентрализованным образованием со сложной феодальной иерархической структурой, объединявшим несколько сотен национально-территориальных единиц. Священная Римская империя представляла собой попытку продолжить традицию Римской империи и создать универсальное имперское государство.

империю: с налаженным административным порядком и эффективной бюрократией; со сглаженными социальными противоречиями; с внятно сформулированной идеологией, основанной не на этнических или классовых принципах и не на милитаристском раже, а на государственной традиции и гражданской лояльности. Габсбурги не были пузатыми эксплуататорами-кровопийцами из марксистских брошюр. Корона означала для них не возможность упиваться властью или обогащаться (хотя власть они любили и богатств скопили вдоволь), но в первую очередь долг, миссию, ответственность.

То обстоятельство, что народы империи в конце концов отказали монархии в доверии, а дело Габсбургов было исторически проиграно, — в большей степени не вина, а беда династии. Ей не хватило потенциала перемен и энергии трансформации, недостало умения противостоять жестоким ударам извне. Случались и стихийные стечения неблагоприятных обстоятельств, вроде гибели двух многообещающих наследников трона — кронпринца Рудольфа в 1889-м и эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 году. Ведь, как справедливо заметил американский историк Пол Джонсон, “хотя исследователю и неприятно признавать это, но удача — весьма важный фактор”.

Есть, однако, логика в том, что в Европе индустриальной эпохи именно Габсбурги стали последними наследниками модели космополитической монархии, подданных которой больше, чем национальность, религия или локальный патриотизм, объединяла верность короне. До последних лет империи большинство жителей Австро-Венгрии сохраняли почтение к трону, хоть и пассивное. Для миллионов подданных императора-короля распад его страны обернулся личной трагедией. Центробежные тенденции — притом что национализм представлял собой естественную угрозу общему государству — до поры до времени уравнивались в Австро-Венгрии центроостремительными процессами.

Нам, родившимся и выросшим в XX веке, естественным кажется существование национальных государств, принцип *ein Land — ein Volk*¹, хотя в действительности это правило соблюдается далеко не всегда:

¹ “Одна страна — один народ” (нем.).

достаточно взглянуть на Испанию, Швейцарию, Бельгию или Россию. История монархии Габсбургов напоминает: нации, национализм, национальные государства — не данный раз и навсегда порядок вещей, а всего лишь исторические явления, имеющие начало и конец. Существуют и альтернативные модели государственно-политического устройства, позволяющие интегрировать большие пространства с выгодой для их обитателей — вне зависимости от языка, религии или обычаев. В последние полвека такую модель не без успеха пытается выстроить Европейский союз — и неудивительно, что в его столицах все чаще вспоминают об опыте Габсбургов и их историческом деле.

Оглядываясь в XX столетие, первая большая война которого наряду еще с тремя империями (в их числе Российской) погубила Австро-Венгрию, заметим: для народов Центральной Европы столетие без Габсбургов оказалось не более, а скорее куда менее счастливым, чем столетия “под Габсбургами”. Один историк сказал об этом так: “Падение многовековой монархии привело к воцарению убийственных форм национализма и бессмысленных революций, заменивших гибкие и гармонические политические сообщества искусственными объединениями народов”. Один писатель оказался эмоциональнее историка (как, впрочем, и пристало его ремеслу): “Во времена этой империи еще не было безразлично, жив или умер человек. Все, что росло, требовало много времени для произрастания, и всему, что разрушалось, требовалось долгое время, чтобы быть забытым. Все существовавшее оставляло свой след, и люди жили воспоминаниями, как теперь живут умением быстро и навсегда забывать”. Неспешность и умеренность, особенно если судить мерками сегодняшнего дня, значились среди главных добродетелей габсбургского государства. Неспешность (понимаемая как медлительность) и умеренность (трактуемая как неспособность первенствовать) оказались в числе основных причин, это государство уничтоживших.

Конечно, любой желающий найдет, что противопоставить ностальгическим воспоминаниям о стране, которую никому и никогда не вернуть. Критики габсбургского опыта весьма многочисленны. Десяткам знаменитых умов дунайская монархия, обычно олицетворяемая ее предпоследним престарелым императором, казалась символом

державной дряхлости, мировым недоразумением, карикатурой на современное государство. “Австрия была имперской организацией, а не страной”, — убеждал читателей видный британский историк Алан Дж.П. Тэйлор. Ему в романе-эпопее “Человек без свойств” вторил австрийский писатель Роберт Музиль, скрестивший национальные цвета с гардеробными мотивами: “Две части страны, Венгрия и Австрия, подходили друг к другу, как красно-бело-зеленая куртка к черно-желтым штанам; куртка была сама по себе, а штаны были остатком уже не существующего черно-желтого костюма”. Тэйлор и Музиль по-своему правы, как правы и Ярослав Гашек, и Томаш Масарик, и многие другие горячие недруги габсбургской монархии, судившие о ее судьбе, исходя из личного опыта, нередко ведомые собственными обидами или политическими убеждениями. Так прав каждый, кто осуждает старый мир на том простом основании, что его больше не существует.

Австро-Венгрия вовсе не идеальное государство, и эта книга совсем не панегирик былой империи. Мы старались не обходить острых углов и не замалчивать неприглядных вещей. Но, взяв на себя обязанность придерживаться исторических фактов, решили в то же время не отказываться от личных симпатий. И вот вывод нашего исследования: монархия Габсбургов, при всех ее недостатках, противоречиях устройства, при всем драматизме, сопровождавшем процесс ее трансформации, и при всем трагизме ее разлома и крушения, представляется успешным, а главное — познавательным и поучительным историческим феноменом. Вклад этой страны в мировую политическую и общественную культуру недооценен, а ее опыт — особенно на нашей родине, увы, не склонной к пристальному непредвзятому взгляду за свои границы, — недостаточно изучен.

Для всех без исключения центральноевропейцев дунайская монархия — не прошлое и даже не позапрошлое, а уже позапозапрошлое государство; XX столетие оказалось столь бурным, столь кровавым, столь богатым на события, что в большинстве популярных справочников и энциклопедий габсбургским временам отводится короткая главка в несколько страничек. При этом все “постгабсбургские” страны в той или иной мере стремятся жить и строить свое будущее

согласно девизу старого императора Франца Иосифа — *Viribus unitis*, “Объединенными усилиями”. Ведь развитие Европейского союза едва ли не в первую очередь означает для Центральной Европы необходимость регионального сотрудничества, вернее, его возобновления на добровольных началах — фактически впервые со времен государства Габсбургов. В процессе перемен становится понятным, что Центральная Европа имеет ценность сама по себе, а не только как “прокладка” между Россией и Западом, какой она стала после падения Габсбургов. У жителей этого региона до сих пор гораздо больше общего друг с другом, чем с западными или восточными соседями. Поэтому лучший путь для Центральной Европы, похоже, состоит в том, чтобы, меняясь, оставаться собой, сохранив неброские уют и тепло, о которых некогда так пеклась австрийская династия.

Дети другой погибшей империи, по-своему величественной, но куда менее либеральной и человечной, чем дунайская монархия, мы по многу лет прожили на бывших австро-венгерских территориях, объездив десятки уголков этой некогда обширной страны. Из вагона поезда и из салона автомобиля, с моста над Дунаем и с башни Пражского Града, с альпийского перевала и с Адриатического побережья, из-за стола в венской библиотеке и из зала будапештского музея, из трансильванского местечка и галицийского городка — с разных “наблюдательных точек” летопись империи Габсбургов предстает не только, да и не столько историей монархической династии или подчиненных ей народов. Все гораздо полнее, красочнее и интереснее: это летопись частной жизни десятков миллионов людей, это поразительные хитросплетения их судеб, их великие подвиги и низкие злодеяния, это осуществление их блестящей мечты и крушение их последней надежды.

Глянцевые портреты полудюжины знаменитостей, имена которых в массовом сознании так или иначе связаны с австро-венгерской историей, вроде Иоганна Штрауса, Зигмунда Фрейда, Густава Климта или Стефана Цвейга, дополнились в наших записных книжках галерей не менее значимых, но менее известных персонажей и образов. Ведь подданные австрийского императора и венгерского короля совершали кругосветные путешествия, штурмовали полярные широты

и горные вершины, учили Европу танцевать вальс и любить оперетту, они открывали новые земли и звезды, писали поэмы и теологические трактаты и даже устанавливали олимпийские рекорды. Это жители империи Габсбургов изобрели торпеду и керосиновую лампу, оборудовали первую в мире телефонную станцию, построили первую в мире высокогорную железную дорогу и провели одну из первых в Европе линий электрического трамвая. Они не просто были частью Европы — Европа была невозможной без них и их государства.

При всем многообразии центральноевропейских земель они и теперь объединены наследием общего прошлого. Речь не только о том, что кварталы Братиславы, Нови-Сада, Триеста, Черновцов напоминают о венской архитектуре; не только о том, что в любом почтенном ресторане Брно, Любляны, Граца, Львова вам приготовят блинчики примерно по одной и той же узнаваемой рецептуре; не только об общей традиции танцевальных балов, о сходстве кофейной культуры или о забавном проявлении новой ностальгии — портрете старого императора над барной стойкой. Связь огромной и динамично развивающейся европейской территории с навсегда минувшим и эфемернее, и мучительнее, и основательнее, и эмоциональнее, чем можно подумать, пролистав исторический роман или учебник истории.

Наша книга — ни то ни другое. Это очерки о центральноевропейской Атлантиде, о которой русскоязычный читатель знает куда меньше, чем она того заслуживает. Это своего рода биография большой, пестрой и интересной страны, но ни в коем случае не некролог. Может быть, верно говорят, что великие империи не умирают — они лишь засыпают на время.

**КОРОНЫ
ИМПЕРИИ**

ТРУДНО СРАЗУ ПОВЕРИТЬ, ЧТО ОГРОМНОЕ ДЕРЕВО,
СТЯНУТОЕ СТАЛЬНЫМИ СКРЕПАМИ, УЖЕ МЕРТВО,
ДАЖЕ ЕСЛИ НА НЕМ И НЕ РАСПУСКАЮТСЯ ЛИСТЬЯ.

А. Дж. П. Тэйлор. Монархия Габсбургов

Западный вокзал Будапешта, 27 декабря 1916 года, два часа пополудни. На празднично украшенном перроне стоят элегантно одетые господа — члены венгерского правительства, депутаты парламента, представители городских властей. Тут же выстроилась рота почетного караула. Со стороны Вены приближается поезд, выпуская клубы пара, снижает ход. У третьего вагона появляются гвардейские офицеры, вытягиваются в струнку, молодежато козыряют выходящей на перрон молодой семье. Худощавого мужчину лет тридцати в военной форме сопровождают симпатичная дама с живыми темными глазами и четырехлетний мальчик с торчащими из-под шапочки локонами. Встречающие почтительно приветствуют их. Это новый австрийский император и венгерский король Карл, его супруга Зита и наследник трона эрцгерцог Отто. Они прибыли в Будапешт на коронацию — как выяснится позднее, последнюю в истории династии Габсбургов.

Три дня спустя, 30 декабря, в церемониальном зале королевского дворца в Буде состоялся торжественный обряд. Карл принес присягу на Евангелии, дал обязательство защищать старинные вольности Венгерского королевства, после чего кардинал Янош Чернох передал монарху скипетр и державу. Потом настал черед королевы. Кардинал

коснулся ее правого плеча древней короной святого Иштвана (Стефана)¹ и произнес: “Прими сию прекрасную корону как супруга короля, готовая разделить с ним заботу о рабах Божиих. Чем выше твое положение, тем большим да будет твое смирение, во имя Господа нашего Иисуса Христа”. Раздались залпы салюта, зазвенели колокола, и над холмами Буды, над стылым Дунаем, над улицами Пешта и, казалось, над всей венгерской равниной до самых Карпат разнеслось: *Éljen a király!* — “Да здравствует король!” Карл IV, король Венгрии, он же — под именем Карла I — император Австрии (в этом качестве Габсбурги, однако, не короновались), вступил на престол.

Венгрия, а вместе с ней вся империя Габсбургов, словно стремилась уверить себя и мир, что ничего не изменилось, что власть династии так же крепка, как и пару веков назад, а молодого короля ждет долгое и счастливое правление. Но действительность оказалась иной. Монархия, истощенная длившейся третий год войной, быстро приближалась к краху. Великолепие торжеств лишь на время заслонило для их участников и гостей грозную реальность — безнадежность боев на четырех фронтах, голод в городах, недовольство в селах, брожение среди народов империи, чья верность династии подвергалась все более серьезным испытаниям. На плечи двадцатидевятилетнего императора-короля, не выглядевшего ни гигантом, ни гением, легла ноша, которую вряд ли вынес бы и человек куда более стойкий. Кто знает, не вспомнил ли Карл Последний, слушая кардинала, другую фразу — мрачное напоминание, произнесенное как-то дядей молодого императора, погибшим в Сараеве эрцгерцогом Францем Фердинандом: “Корона Габсбургов — это терновый венец”?

Почти полувеком ранее, летом 1867 года, во время предыдущих коронационных торжеств, в Будапеште царило куда более приподнятое настроение. Тогда корону святого Иштвана возложили на рано

¹ Здесь и далее, если не указано иначе, большинство собственных имен даются в национальной (в данном случае — венгерской) фонетической традиции. При необходимости этот вариант транскрипции дополняется другим, если тот по каким-либо причинам стал широко употребительным. Исключения представляют собой имена монархов, традиция написания которых в русском языке прочно закрепилась: “Франц Иосиф”, а не “Франц Йозеф”, “Карл”, а не (в качестве венгерского короля) “Карой” и т.д.

облысевшую голову тридцатисемилетнего Франца Иосифа, закрепив примирение Австрии с мятежной Венгрией. Это примирение нашло выражение в специальном соглашении — *Ausgleich* (“Уравнение в правах”), заложившем правовую основу дуединой монархии. Будущее этой громадной страны тогда представлялось если не блестящим, то по меньшей мере вполне приемлемым. Казалось, была найдена удачная модель общежития на подвластных Габсбургам землях Центральной и Восточной Европы. В своем данном

Корона императора Рудольфа II. 1602 год.

Богом праве повелевать многими народами и заботиться об их благополучии австрийская династия не сомневалась. Это правление продолжалось несколько веков — так почему же власть Габсбургов, некогда причислявших к своим предкам римского императора Августа и даже легендарного троянца Энея, не могла длиться вечно?

Царствование Франца Иосифа, эти без малого семь десятилетий лишь укрепляли у его подданных такое ощущение. Казалось, почтенный император и его держава есть и будут всегда, они естественны и неустраимы, как восход и закат солнца. Знаменитый английский историк Арнольд Тойнби писал об империях эпохи упадка: “Универсальное государство обнаруживает тенденцию выглядеть так, словно оно и есть конечная цель существования, тогда как в действительности оно представляет собой фазу в процессе социального распада”. Коронация 1867 года была в этом отношении переломным моментом: дунайская монархия перестала быть классической империей, а габсбургский император из носителя абсолютной власти превратился лишь в один из политических институтов нового государства.

Франц Иосиф понимал, что времена меняются, и в 1910 году, принимая в Вене экс-президента США Теодора Рузвельта, с гордостью и грустью произнес: “Я — последний монарх старой школы!” Родившийся в 1830 году кайзер¹ был воспитан в духе абсолютистских традиций, а образцом для подражания в юности считал своего деда, крайне консервативного Франца I, правившего в 1792–1835 годах (до 1806 года — Франц II, как император Священной Римской империи). Но время шло, и под влиянием революций, войн, личных потрясений, общения с советниками и противниками, в результате собственных размышлений (император не был интеллектуалом, но отнюдь не был и тупицей) резкий, безапелляционный и даже жестокий юноша, десятками утверждавший в 1849 году смертные приговоры венгерским революционерам, превратился в сдержанного, терпимого и в чем-то даже мягкого мужчину. Потом зрелый муж стал стариком с пышными седыми бакенбардами, который, пусть нехотя и с опаской, но принял новшества наступившей эпохи — парламентаризм и архитектурный модерн, депутатов-социалистов и гражданские браки, графа Дьюлу Андраши (которого когда-то заочно приговорил к смерти) в кресле министра иностранных дел и Карла Люгера (антисемита, но, как сказали бы сегодня, крепкого хозяйственника) на посту бургомистра Вены. Только в быту император оставался консерватором: не пользовался пишущей машинкой и телефоном (который приказал убрать от греха подальше... в туалет), почти не ездил на автомобиле и даже в преклонном возрасте избегал лифтов, предпочитая топтать по лестницам.

На плакате, выпущенном в 1908 году к шестидесятой годовщине восшествия Франца Иосифа на престол, император-король изобра-

¹ В русской историографической и литературной традиции слово *Kaiser*, немецкий вариант понятия “император”, ассоциируется преимущественно с монархами Германской империи Гогенцоллернов (1871–1918), прежде всего с последним из них, Вильгельмом II. Однако задолго до Гогенцоллернов этот титул носили государи Священной Римской империи германской нации, которыми, начиная с XV века, были почти исключительно члены династии Габсбургов. Затем императором (кайзером) стал глава новой, Австрийской империи, провозглашенной Габсбургами в 1804 году. Характерно, что вышедший в России в 1997 году переводной сборник статей немецкого и австрийского историка носил название “Кайзеры” и включал в себя очерки об императорах Священной Римской империи (от Карла V), Австрийской и Германской империй.

жен сидящим на троне, у которого собрались все без исключения его царственные предки, начиная со Средних веков. Рудольф Старший, первый Габсбург, занявший в 1273 году трон Священной Римской империи германской нации, показан приносящим поздравления далекому потомку, которому удалось переплюнуть всех Габсбургов по части продолжительности правления. Плакат символичен: Франц Иосиф всегда стремился быть в первую очередь главой династии, а значит — хозяином доставшегося ему от предков огромного домена, который нужно сохранить и передать наследникам. Николай II, заполняя анкету во время переписи населения, в графе “род занятий” написал: “Хозяин земли Русской”. Франц Иосиф мог бы ответить на этот вопрос так: “Глава Дома Габсбургов”. Положение первого лица династии являлось для него отправной точкой, фундаментом и причиной всего — долгих дней за письменным столом, круговерти приемов, балов и парадов, переговоров с государями и иностранными дипломатами, выстраивания политических комбинаций и, наконец, одиночества, глубокой тоски и грусти, которые с годами все больше овладевали царственным старцем, столь многое принесшим в жертву династии и империи. Времена абсолютизма уходили в прошлое, и, хотя роль императора и его семьи в жизни страны и общественном сознании оставалась значительной, священный ореол Австрийского дома явно поблек. Династии нужно было приспособливаться к новым историческим условиям.

Некоторые представители монархической фамилии совсем не хотели этого. Одним из последовательных защитников традиций Габсбургов, пытавшихся сохранить за династией исключительное положение в социальной иерархии, был эрцгерцог Альбрехт (1817–1895), сын эрцгерцога Карла, одаренного полководца, нанесшего в 1809 году в битве при Асперне поражение самому Наполеону. Неудивительно, что и Альбрехт по мировоззрению был прежде всего солдатом. Он сделал военную карьеру, увенчанную в 1866 году победой над итальянцами при Кустоце. Трагедии в семье — единственный сын Альбрехта умер в младенчестве, супруга скончалась, не дожив до сорока лет, а дочь погибла семнадцатилетней в результате несчастного случая — ожесточили эрцгерцога, от природы суховатого и упрямого.

ПОДДАННЫЕ
ИМПЕРИИ

МАКСИМИЛИАН,

император и брат императора

Эрцгерцог Фердинанд Максимилиан (1832–1867) был на два года младше своего брата Франца Иосифа. Их мать, эрцгерцогиня София, говорила, что из своих четырех сыновей больше других уважает Франца, но сильнее всего привязана к Максусу. Ходили слухи (скорее всего, безосновательные), что отцом мальчика был не добродушный эрцгерцог Франц Карл, а живший в Вене сын Наполеона I, рано умерший “Орленок” — Франц, герцог Рейхштадтский. Отношения между Максом и Францем Иосифом складывались противоречиво: разные по характеру братья любили друг друга, но соперничали. В 1853 году, когда венгерский националист совершил покушение на императора, Макс первым примчался в Вену, но это вызвало неудовольствие Франца Иосифа: он решил, что брат надеялся на

его смерть и спешил “принять дела”. Вскоре Максимилиана назначили командующим австрийским флотом, а в конце 1850-х годов эрцгерцог стал наместником императора в Ломбардии и Венеции. Но дела там шли неважно, жители этих территорий относились к Габсбургам враждебно. Перелом в жизни Максимилиана и его супруги, бельгийской принцессы Шарлотты, наступил в 1863 году. Побуждаемый Наполеоном III, имевшим свои интересы в Мексике, Максимилиан согласился принять корону этой страны, толком не зная тамошних нравов и обстановки. В Мексике шла гражданская война. Сторонники Максимилиана, поддерживаемые французскими войсками, проигрывали республиканцам под командованием Бенито Хуареса. Три года Макс вел войну, одновременно пытаясь прово-

дить в разоренной стране либеральные реформы. После вывода из Мексики французских войск положение монархистов стало безнадежным. Максимилиан, преданный частью своей армии, попал в плен в городе Керетаро. Республиканцы приговорили императора к смерти. Несмотря на просьбы о помиловании, направленные Хуаресу европейскими монархами, президентом США, а также Виктором Гюго и Джузеппе Гарибальди, 19 июня 1867 года Максимилиан Мексиканский был расстрелян вместе с двумя верными ему генералами. Тело императора доставили в Европу на фрегате *Novara*. Биографы указывают, что Франца

Иосифа за всю его долгую жизнь видели плачущим лишь дважды: в 1889-м, на похоронах сына, кронпринца Рудольфа, и 22 годами раньше, когда он получил предсмертное письмо Макса. “Дорогой брат! Волею судьбы я вынужден принять незаслуженную смерть. Посылаю тебе эти строки, чтобы от всего сердца поблагодарить за братскую любовь и дружбу. Пусть Бог дарует тебе счастье, мир и благословит тебя, императрицу и милых детей. Прошу простить меня за совершенные ошибки и неприятности, которые я тебе причинил... Остаюсь до конца жизни твой вечно верный брат Максимилиан. Керетаро, 18 июня 1867 года”.

Альбрехт пользовался репутацией “серого кардинала” габсбургского дома. Он много размышлял над тем, что должно служить духовным основанием, идеей, *raison d'être* дунайской монархии. В письмах к юному кронпринцу Рудольфу, которого он пытался отвлечь от вредных либеральных идей, эрцгерцог утверждал: залогом прочности габсбургского государства могут быть “не абстрактные концепции государственности, а армия... и Австрийский дом как воплощение идеи Отечества, за которую его подданные готовы проливать кровь. Династия должна быть отделена пропастью от подданных; ни одному из них, на какую бы высоту он ни поднялся, не должно быть позволено пользоваться такими же почестями, как даже самому младшему из эрцгерцогов... Император — глава династии, ее судья, ее суверен, и ее члены должны выражать ему почтение и быть его преданными слугами, подавая пример всем подданным... Вот принципы, благодаря которым Австрийский дом в течение столетий достиг могущества и процветания. Если эти принципы... будут отброшены, династия потерпит крушение, столкнувшись с сообществом народов, до сих пор связанных между собой исключительно обязательствами перед династией и ее армией”. Альбрехт отличался трезвостью оценок, он

четко сознавал, на чем базируется габсбургская власть. Эта пронизательность тем не менее не мешала эрцгерцогу искать рецепты укрепления монархии исключительно в прошлом.

Однако жить как в прошлом у династии уже не получалось. Правда, Габсбурги и в последние десятилетия правления в основном соответствовали емкой характеристике, которую дал этой царственной фамилии швейцарский историк Якоб Буркхардт: “Физически далекие от идеала, почти лишенные черт гениальности, но обладающие доброй волей, серьезностью и основательностью; выносливые и терпеливые в беде; среди них не было ни мерзавцев, ни опустившихся личностей”. Почти не было, добавим справедливости ради, хотя историк прав: “черные овцы” в огромной разветвленной семье оказывались явлением нечастым (к середине правления Франца Иосифа эрцгерцоги и эрцгерцогини исчислялись уже десятками)¹. С другой стороны, характерно, что ни один из Габсбургов не вошел в историю с прозвищем Великий. Сила этой фамилии заключалась не в выдающихся способностях ее отдельных представителей, а в династической солидарности, преемственности и умении подбирать толковых соратников. Для Габсбургов была характерна и жесткая семейная дисциплина: открытые бунты против главы рода случались нечасто (самый известный случай — распря между императором Рудольфом II и его братом Матиасом в начале XVII века). В других европейских августейших семьях — у Валуа, Бурбонов, Гогенцоллернов, Романовых, Ваза, Браганса — такое происходило неоднократно.

¹ В 1740 году, когда скончался император Карл VI (правивший с 1711 года), род Габсбургов пресекался по мужской линии. Престол унаследовала Мария Терезия, старшая дочь Карла VI. Мария Терезия вышла замуж за Франца Стефана, герцога Лотарингского, в 1745 году избранного римско-германским императором под именем Франца I (его не следует путать с его внуком, австрийским императором Францем II). Все последующие царствовавшие Габсбурги были потомками этой пары, имевшей 16 детей, поэтому начиная с 1740 года австрийскую династию принято называть габсбургско-лотарингской. Увеличению числа Габсбургов способствовали два плодовитых императора — сын Марии Терезии и Франца Стефана Леопольд II (годы правления 1790–1792), имевший 15 детей, и его сын Франц I Австрийский (годы правления 1792–1835), у которого было 13 отпрысков. После трех столь многодетных браков фамильное древо Габсбургов обрело чрезвычайно пышную крону. В нашем распоряжении есть плакат с генеалогическим древом Габсбургов, выполненный придворным венским художником в начале 1890-х годов. Рисунок вместил лишь сотню портретов, в число которых не попали многие, даже относительно близкие, родственники монархов.

Типичный австрийский эрцгерцог (этим титулом обладали все прямые потомки императоров и их братьев по мужской линии) воспитывался, конечно, не в спартанских условиях, но в достаточной строгости. Идеальной для Габсбурга считалась военная карьера. Эрцгерцогов, избиравших церковную стезю, в XIX веке становилось все меньше, хотя прежде такой выбор для младших отпрысков рода представлялся вполне стандартным. Взрослых и ментально здоровых Габсбургов, не имевших военного чина, при четырех последних императорах практически не было, хотя особыми полководческими талантами большинство представителей династии не обладало. Многие Габсбурги стремились получить и гражданское образование — например, последний император Карл учился в университете в Праге, а его младший брат эрцгерцог Макс был дипломированным юристом. Особенностью воспитания мальчиков считалось и то, что их обучали тому или иному ремеслу на выбор. Франц Иосиф был в детстве садовником, а у “красавчика Отто”, отца последнего императора, имелась столярная мастерская. Большое внимание уделялось освоению иностранных языков. Поскольку дунайская монархия сложилась как многонациональное государство, Габсбурги должны были говорить на основных ее языках — немецком, венгерском, часто на чешском и польском; следовало владеть французским, сохранявшим статус языка дипломатии и международных отношений, и итальянским; некоторые эрцгерцоги объяснялись и по-английски, кое-кто знал латынь. Габсбурги, хорошо владевшие четырьмя-пятью иностранными языками, были скорее правилом, чем исключением. Дети с родителями в семьях нескольких императоров (например, Марии Терезии и Франца I) говорили в основном по-французски. Хотя в минуты волнения (в частности, объявляя публике в Придворном театре о рождении у нее первого внука) та же Мария Терезия переходила на венский диалект, довольно далекий от литературного немецкого языка.

Девочки-эрцгерцогини получали домашнее образование, программа которого была заметно уже, чем у мальчиков. В ее основе лежали те же иностранные языки, музыка, литература, азы математики, истории, географии, а также женские занятия вроде вышивания. Глава

императорского дома смотрел на своих юных родственниц прежде всего как на материал для династических браков. В Европе (да и не только: скажем, дочь Франца I Леопольдина вышла замуж за императора Бразилии Педро I) трудно было найти царствующую династию, в которой не отыскалось бы жен и матерей, происходивших из габсбургско-лотарингского рода. Самой трагически знаменитой из габсбургских принцесс, выданных замуж за иностранных государей, стала Мария Антония — супруга короля Франции Людовика XVI, вошедшая в историю под офранцузенным именем Мария Антуанетта. Она и Максимилиан Мексиканский — единственные казненные Габсбурги.

Только с Романовыми династические комбинации у Габсбургов складывались не лучшим образом. Единственным браком “на высшем уровне” между двумя династиями стала женитьба в 1799 году венгерского наместника (палатина) Иосифа Антона, шестого сына императора Леопольда II, на шестнадцатилетней великой княжне Александре, дочери Павла I. Брак оказался недолгим: год спустя юная Александрина, как называли ее в Венгрии, умерла от родильной горячки. Сближению династий препятствовал религиозный фактор: Романовы настаивали на переходе в православие иноземных принцесс, выходивших за членов царской семьи, и с неохотой допускали переход собственных великих княжон, выдававшихся замуж за границу, в веру их супругов.

К концу XIX века австрийское императорское семейство оказалось настолько разветвленным, что все более частыми становились браки между родственниками, принадлежавшими к разным ветвям габсбургского рода. Племянник Франца Иосифа, эрцгерцог Франц Фердинанд, ставший в 1895 году наследником престола, возмущался по этому поводу: “Если кто-то из нашей семьи влюбится на стороне, в родословной непременно найдется какая-то ерунда, препятствующая такому браку. Вот и получается, что у нас муж и жена всегда двадцатикратные родственники. В итоге половина детей — дурачки или полные идиоты”. Эмоциональный эрцгерцог несколько преувеличивал: в его времена габсбургская кровь была явно свежее, чем в XVI или XVII веках, когда случались откровенно инцестуальные браки. Из-за этого, в частности, вымерла испанская ветвь династии, послед-

ний представитель которой Карл II (годы правления 1665–1700) являл собой ужасающий пример физической и ментальной дегенерации¹. При Франце Иосифе родственные браки Габсбургов были куда менее скандальными, ибо речь шла о дальних степенях родства, хотя император женился на своей двоюродной сестре по материнской линии. Младшая дочь Франца Иосифа Мария Валерия вышла замуж за своего троюродного брата Франца Сальватора, а наследника трона Франца Фердинанда хотели женить на одной из дочерей эрцгерцога Фридриха, приходившегося ему двоюродным дядей.

Женитьба Франца Фердинанда стала ярким примером того, что даже столь консервативный институт, как Австрийский императорский дом, оказался не в состоянии сопротивляться нравам эпохи, в которой родовые и сословные традиции играли все меньшую роль, а воля и чувства отдельных людей — все большую. Франц Фердинанд отличался упрямым, вспыльчивым, своевольным характером. Царственный дядя недолюбливал племянника, но считался с ним. Во-первых, Франц Фердинанд был неглуп, во-вторых, он, в отличие от многих младших Габсбургов, интересовался политикой и искренне желал послужить империи, а в-третьих, больше Францу Иосифу рассчитывать оказалось не на кого. Младший брат Франца Фердинанда, следующий по порядку наследования эрцгерцог Отто, был добродушным беспутным гулякой² (в 1906 году он умер от последствий сифилиса), а его сын Карл, который в итоге в 1916 году и занял трон, пока еще гулял в детских штанишках.

¹ По политико-династическим соображениям браки между австрийской и испанской ветвями Габсбургов повторялись едва ли не в каждом поколении. Филипп II Испанский (годы правления 1554–1598) женился на своей племяннице Анне Австрийской (не путать с известной широкой публике по роману Александра Дюма королевой Франции). Их сын Филипп III (годы правления 1598–1621) взял в жены Маргариту Австрийскую, свою двоюродную тетю. Плод этого брака — Филипп IV (годы правления 1621–1665) был дядей по матери своей второй жены Марии Анны Австрийской.

² Наиболее известным происшествием, связанным с эрцгерцогом Отто, стало его появление в холле дорогого венского отеля *Sacher* в абсолютно голом и вдрызг пьяном виде, однако с саблей на поясе и орденом Золотого руна на шее. В другой раз нетрезвый Отто хотел провести компанию буйных друзей в спальню своей жены, набожной саксонской принцессы Марии Йозефы, крича: “Пойдемте, я покажу вам монашку!” Только твердость камердинера позволила избежать неприятной сцены.

ПОДДАННЫЕ
ИМПЕРИИ

ЛЕОПОЛЬД ВОЛЬФЛИНГ,

Габсбург-изгой

Эрцгерцог Леопольд Фердинанд Сальватор (1868–1935) — сын Фердинанда IV, последнего великого герцога Тосканского, отпрыска младшей ветви Габсбургов, правившей в Тоскане до 1860 года, когда эта династия потеряла корону. С детства Леопольд не подавал особых надежд, испытывая интерес только к развлечениям и рано пристрастившись к выпивке. Позднее он прошел курс лечения от алкоголизма. Самым интересным событием его молодости было участие в кругосветном путешествии, которое предпринял в 1892–1893 годах наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Родственники не поладили, когда выяснилось, что Леопольд провел на борт корабля подружку, переодетую матросом. Леопольд вынужден был прервать путешествие в Сиднее. Позднее он сменил службу на флоте на казавшуюся ему более простой пехотную, но и здесь яр-

кой карьеры не сделал, хоть и дослужился до полковника. Проклятием и судьбой Леопольда Фердинанда оказались женщины легкого поведения. В 1902 году эрцгерцог собрался жениться на бывшей проститутке Вильгельмине Адамович. Зная, что его образ жизни вызывает недовольство высокородных родственников, Леопольд подал императору прошение об отказе от титула. Леопольду выделили 200 тысяч крон, а родители помогали непутевому сыну еще 30 тысячами в год. Тем не менее он не вылезал из финансовых проблем. Леопольд принял фамилию Вольфлинг, по названию горы на севере Австро-Венгрии, где любил бывать, и женился-таки на своей Вильгельмине. Впоследствии он заключил еще два брака, причем одна из его избранниц также принадлежала к древнейшей профессии. Поскольку бывшему Габсбургу запретили въезд во владения императора-

короля, герр Вольфлинг принял гражданство Швейцарии. В Австрию он вернулся после падения монархии и открыл в Вене продуктовую лавку, ставшую достопримечательностью: не на каждой улице торгуют колбасой и оливковым маслом особы королевской крови! Магазин Леопольда про-

горел. Вольфлинг написал переведенные на несколько языков мемуары, в которых не пощадил родственников. Но и занятия литературой больших успехов ему не принесли. Леопольд перебрался в Берлин, где умер в 1935 году в нищете. Несмотря на три брака, потомков он не оставил.

Именно поэтому роман Франца Фердинанда с графиней Софией Хотек, представительницей знатного, но не равного Габсбургам и к тому же обедневшего чешского рода, получил столь большое династическое значение. Жизнь августейшей семьи определялась статутом, принятым в 30-е годы XIX века с подачи влиятельного канцлера князя Клеменса Меттерниха. Высказанное Францем Фердинандом твердое намерение жениться на Софии Хотек шло вразрез с этим документом, который предполагал возможность морганатического брака эрцгерцогов, но карал их за этот шаг утратой прав на трон. Франц Фердинанд, однако, сумел добиться от дяди нарушения строгих правил, подписав обязательство, согласно которому будущие дети от брака с графиней Хотек лишались прав наследования, но сам эрцгерцог такие права сохранял. Странное совпадение: ровно в этот же день четырнадцать лет спустя пули террориста оборвали жизнь Франца Фердинанда и его супруги. Уступив желанию нелюбимого, но полезного династии племянника, император Франц Иосиф сделал еще одну уступку новой эпохе. Возможно, он просто не смог отказать Францу Фердинанду в том, чего в молодости добился сам, — в женитьбе по любви.

История брака Франца Иосифа и Елизаветы, более известной как Сисси, происходившей из младшей ветви баварской династии Виттельсбахов, хорошо известна и многократно описана. Снятая в 1950-е годы австрийская кинотрилогия о Елизавете-Сисси с юной Роми Шнайдер в главной роли изображала их союз как нечто идиллическое до сусальности, но такое представление не вполне соответствовало действительности. Франц Иосиф должен был жениться на старшей сестре Елизаветы — Елене, но отчаянно влюбился в пятнадца-

тилетнюю Сисси и настоял на браке с ней. Свадьбу сыграли в 1854 году. Франц Иосиф оказался любящим и заботливым мужем, однако обстоятельства не способствовали счастью. Сисси не нравился этикет венского двора, она враждовала со свекровью, властной эрцгерцогиней Софией, а росшая с годами эксцентричность императрицы вызывала негодование в придворных кругах.

Императрица не была создана для семейной жизни, поскольку, по свидетельству биографов, оставалась психически нестабильным человеком. Постоянные недомогания, которые она испытывала в Вене, имели характер невроза: стоило ей удалиться из нелюбимой столицы, как словно по волшебству исчезали навязчивая анорексия и головные боли, возвращались силы и интерес к жизни. Елизавета любила одиночество, но не могла подолгу оставаться на одном месте, а потому колесила по Европе, вызывая пересуды в политических кругах и аристократических салонах. Очарованная красотой греческого острова Корфу, она уговорила Франца Иосифа построить там великолепную виллу Ахиллеон. Однако, пробыв на Корфу считанные недели, Елизавета уехала и впоследствии просила императора продать имение.

“Она думала прежде всего о себе. С удовольствием пользовалась выгодами, которые приносило высокое положение, но не желала исполнять обязанности, связанные с этим положением”, — пишет об императрице в книге “Болезни Габсбургов” австрийский врач и историк-любитель Ганс Банкль. Подобные суждения звучат категорично, но не лишены оснований. Сисси действительно ненавидела церемонии и приемы, стремилась как можно реже появляться рядом с мужем на официальных мероприятиях. Это часто ставило Франца Иосифа в неудобное положение, за спиной императора раздавались злые шуточки о “соломенном вдовце”. Однако вряд ли мотивом действий императрицы являлся сознательный протест или холодный эгоизм. Елизавета стремилась к свободе, но не могла найти ее — не потому, что габсбургский двор стал для нее “золотой клеткой”, а потому, что тюрьмой оказалась ее собственная душа. Романтический ореол, окружающий фигуру Сисси, не позволил многим писавшим о ней высказать “крамольную” мысль: императрица была психически нездорова,

Императрица Елизавета. Фото Эмиля Ребендинга. 1867 год.

и именно это послужило главной причиной краха семейной жизни австрийской монаршей четы.

Франц Иосиф, реалист до мозга костей, человек долга, обладавший невероятной самодисциплиной, представлял собой полную противоположность Сисси. Примерно с 1870-х годов (императору тогда было едва за сорок, его жене немногим более тридцати) их брак стал формальностью. Елизавета большую часть времени проводила в путешествиях, изнуря себя диетами, длительными пешими и конными прогулками (она могла пройти быстрым шагом и почти без отдыха до тридцати километров), предаваясь меланхоличным размышлениям и сочинению стройных, но лишенных признаков большого таланта стихотворений. В 1898 году жизнь Елизаветы трагически оборвалась: на берегу Женевского озера ее ударил в грудь заточенным напильником итальянский анархист Луиджи Луккени. Он не хотел убивать именно Елизавету Австрийскую — просто поблизости не оказалось никого другого из представителей высших классов, а Луккени мечтал совершить героический поступок во имя светлого будущего. “Как я любил эту женщину!” — воскликнул император, получив известие о гибели Сисси.

Научно-популярное издание

АНДРЕЙ ШАРЫЙ, ЯРОСЛАВ ШИМОВ

АВСТРО-ВЕНГРИЯ: СУДЬБА ИМПЕРИИ

Выпускающий редактор П. Шиков

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры Т. Филиппова, Н. Соколова, Е. Туманова

Компьютерная верстка Т. Коровенковой

В оформлении обложки использовано фото
© Olemac/shutterstock.com

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Колибри»
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная,
д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 15.09.2017. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Гарнитуры «SwiftC», «FranklinGothicC»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,12.
Тираж 1500 экз. В-ГИЛ-21718-01-Р. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:
ООО "Издательская Группа "Азбука-Аттикус"
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО "Издательская Группа "Азбука-Аттикус"
в г. Санкт-Петербурге
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:
ЧП "Издательство "Махаон-Украина"
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru